

Self-Consciousness in the Aspect of the Self-actualization, Self-acceptance, Real and Ideal Self-images

A. I. Vlasenko

Pyatigorsk State Linguistic University
9, Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Stavropol region, Russia
E-mail: vlasenkoai@yandex.ru

The article is devoted to the study of the peculiarities of the conditionally convicted person's consciousness. It shows the results of psychodiagnostic study of self-actualization subjects and their self-acceptance, the real and the ideal self-images. It is marked the low level of self-actualization subjects, the discrete nature of their time perspective. In conclusion, it is done the implication about the necessity of correction work with respondents, outlined the main parameters of the correction. In the diagnostic work the psychologist is recommended to rely on a holistic perception of individual subjects for their comprehensive study.
Key words: self-consciousness, personality, self-image, self-actualization, security of the person.

References

1. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* (The self-consciousness of the person). Moscow, 1983. 284 p.
2. Grigorieva T. L. *Professionalnaya Ya-konzeptsiya gosudarstvennykh sluzhashikh raznykh urovnei upravleniya: avt. dis. ... cand. psikholog. nauk* (The professional self-concept of the civil servants of the different levels of management: author's abstract of the dissertation of candidate of psychological sciences). Moscow, 2001. 26 p.
3. Deev V. G., Kazakova E. N., Mikhaleva I. V., Narpis A. V. *Osnovy psikhologii ispolneniya ugolovnykh nakazanii: uchebnoe posobie* (Fundamentals of psychology of execution of criminal punishment: handbook). Vologda, 2001. 347 p.
4. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. *Psikhologicheskaya realnost inoyazichnykh praktik: ot komforta k lichnoi bezopasnosti* (Psychological reality of foreign language educational practices: from comfort to personal security). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* (The Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University), 2008, no. 3, pp. 317–321.
5. Stolin V. V. *Urovni i edinitiy samosoznaniya* (Levels and units of self-consciousness). *Psikhologiya samosoznaniya: khrestomatiya* (Psychology of consciousness: chrestomathy). Samara, 2003. 672 p.
6. *Samoaktualizatsionnyi test (SAT)* (Self-actualization test (SAT)). Available at: http://azps.ru/tests/tests_sat.html (accessed 12 September 2013).
7. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. *Vremya kak interpretatsionnaya kategoriya psikhologicheskogo prostranstva bezopasnosti lichnosti studenta* (Time as an interpretation category of psychological space security of the individual student). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* (The Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University), 2012, no. 3, pp. 221–225.

УДК: 159.923

ПРОБЛЕМА ВИКТИМНОГО ЛИЧНОСТНОГО ТИПА В ПСИХОЛОГИИ

Одинцова Мария Антоновна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, старший научный сотрудник лаборатории социально-психологических и социологических мониторинговых исследований, Московский городской психолого-педагогический университет
E-mail: Mari505@mail.ru

В статье делается анализ теоретических предпосылок разработки проблемы виктимного личностного типа в психологии. Дается определение виктимного личностного типа как такого способа организации личности в сложном соотношении ее внешнего и внутреннего мира, при котором внутренний, преломляясь через внешний, принимает искаженные формы в виде виктимных межличностных ролей (игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы), воплощающихся в габитусе жертвы, способном демонстрировать разные виктимные типы: аутовиктимный, виктимный, гипервиктимный. Поясняется, что виктимные межличностные роли жертвы (игровая, социальная, позиция) можно отнести к классификации. Они же, приобретая четкое обозначение (габитус жертвы), трансформируются в социально приемлемые и одобряемые виктимные личностные типы: «аутовиктимный», «виктимный», «гипервиктимный».

Ключевые слова: виктимный личностный тип, габитус жертвы, игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы.

Виктимогенная история развития российского общества, являясь социокультуральным фактором (революция, войны, политические репрессии, катастрофы, длительное существование в условиях тоталитарной системы и т.п.), интериорируясь в личное пространство россиян, по мнению многих специалистов [1, 2], инициирует социотипическое виктимное поведение. Виктимогенная российская культура, сочетающая неоднородные и конфликтные по своим сущностным характеристикам западную, восточную, советскую и российскую направленности, также способствует виктимизации личности [2, 3]. Разнообразные жизненные ситуации, субъективно воспринимаемые как непреодолимые; стили межличностного взаимодействия, которые оцениваются как не-

адекватные, неадаптивные, и многое другое может пополнить перечень факторов виктимизации современного человека [4, 5]. Таким образом, уже сегодня мы наблюдаем массовую виктимизацию, которая рассматривается как процесс и результат превращения индивида или группы людей в жертв неблагоприятных условий социализации [4].

Вместе с тем исследовательский интерес к психологии жертвы долгие годы центрировался преимущественно в области криминалистики, виктимологии [5], психологии экстремальных ситуаций, т.е. вокруг определенного типа жертв. Недостаточно внимания уделяется виктимизации личности в ситуациях повседневной жизни, которые традиционно считаются благоприятными: «...привычный порядок повседневной жизни не прерывается и воспринимается как непроблематичный» [6, с. 46]. Не всегда учитывается, что относительно непроблематичный характер (благополучие, комфорт) повседневных ситуаций не оказывает того стимулирующего воздействия, которым обладают трудные ситуации, в результате чего происходит стагнация личностных ресурсов человека и добровольное принятие роли жертвы. Не разработаны теоретические основы типологии виктимной личности, не обнаружено исследований, выделяющих те или иные виктимные личностные типы.

Во-первых, это связано с тем, что проблематика психологии жертвы является во многих отношениях «неудобной». Социальное чувство каждого нормального человека не позволяет пройти мимо нуждающихся в помощи и даже не нуждающихся, но кажущихся таковыми. «Неудобство» темы жертвы связано с констатацией факта наличия рентных установок, которые едва уловимы, часто неосознанны, но позволяют человеку получать выгоду из своего неблагоприятного положения и надолго «застрывать» в состоянии жертвы. «Неловкость» темы заключается и в осознании провокационного характера поведения жертвы, в обнаружении выраженного стремления некоторых типов виктимных лиц к агрессии, демонстративности, к отрицательной значимости и т.п.

Во-вторых, уже сама по себе проблематика личностных типов в психологии крайне сложна и противоречива. С одной стороны, «идея типов личности волнует и будоражит» [7, с. 14] научную и житейскую психологию, потому что «тип человека – ключ к его истории...» [7, с. 15]. С другой – подход к личности как к уникальному и неповторимому явлению подчеркивает сомнительность всяческих типологий. Так, известный персонолог Г. Олпорт, довольно критически относясь к личностным типологиям, мотивировал это тем, что любая типология проводит границы между людьми, навешивая на них ярлыки [8]. Еще

более сложными являются вопросы типологии виктимной личности с ярлыком «жертвы».

Тем не менее чрезвычайное многообразие проявлений виктимной активности и разнообразие ситуаций, в которых она выражается, требуют некоторой систематизации и направления исследований по разным векторам, в противовес существующим, которые сосредоточены на изучении, главным образом, навязанного характера поведения жертвы. Это и глобальная проблема адресной психологической помощи с учетом специфики того или иного виктимного личностного типа. Наконец, отметим, что без типизации трудно говорить о виктимной личности как о системном образовании, поскольку, как подметила К. А. Абульханова-Славская, «учитывается только параллельность структуры личности и условий жизни, но не их взаимодействие» [7, с. 19]. Как видим, актуальность темы виктимного личностного типа не вызывает сомнений и проблематизирует психологию личности в теоретическом и практическом отношениях.

Несмотря на сложность и противоречивость обозначенной проблемы, к настоящему времени в науке накоплен богатый теоретический и эмпирический материал, способствующий глубокой и разносторонней разработке проблемы виктимного личностного типа в психологии. Так, проводятся исследования понятий «виктимность», «виктимная активность», «жертва», «виктимная личность» [4, 5]. Виктимность толкуется разнопланово: как некое устойчивое личностное свойство, способность [4], девиация [9], психологическое расстройство [10], предрасположенность [4] индивида становиться жертвой неблагоприятных условий социализации. В психологии анализируется совокупность типов виктимной активности (агрессия, аутоагрессия, зависимость, некритичность и др.) [11], способствующая виктимному поведению особого вида. Виктимная личность понимается как жертва интерактивного виктимогенеза, интегральными характеристиками которой являются: гетерономность, диффузия идентичности, неадекватная социальная компетенция, психокультурная нерелевантность, рассогласование социальных притязаний и социальных компетенций [9]. При этом жертва или «виктим» справедливо считается персонологической характеристикой онтологии дефекта социализации личности, определяющей ее социальное положение [9].

В зарубежной психологии используется «типоведческий подход» (К. Бриггс, И. Майерс-Бриггс и др.), призванный исследовать личность на надежной научной основе с использованием большого объема эмпирических данных. Проблема личностного типа широко представлена в современных работах отечественных специалистов

[12]. Ведутся исследования проблематики черт личности в соотношении с вопросами типов личности [13], рассматривается тема «вариативности людей» [14]. Разнородность людей определяется, с точки зрения Д. А. Леонтьева, «мерой их индивидуального продвижения по пути очеловечивания, их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия» [14, с. 13].

К. А. Абульханова-Славская развивает тему типологии и классификации, указывая при этом, что большинство разработанных в психологии типологий на самом деле остаются классификациями, потому что не выявляют причины возникновения, движущие силы развития и условия изменения того или иного типа [7]. В основу построения типологии, по её мнению, должен быть положен принцип анализа личности через способ ее жизни, который обнаруживается в поведенческих проявлениях через самовыражение личности. Самовыражение личности адекватно миру самой личности, а механизмы, которыми она приводит себя в действие, носят типологический характер [7].

Существенный вклад в разработку проблематики личностного типа вносят работы Д. А. Леонтьева, посвященные структуре личности [15]. Наряду с уровнем ядерных механизмов личности, образующих психологический каркас, смысловым уровнем как отношением личности с миром Д. А. Леонтьев выделяет экспрессивно-инструментальный уровень, характеризующий типичные для личности формы или способы внешнего выражения, внешнюю оболочку [15, с. 159]. Ведь в самом понятии личность (*persona* – маска, личина, лик) уже изначально был заложен смысл «выражения», демонстрации себя, однако при подходах к структуре личности данный семантический смысл порой утрачивал свое значение. Вместе с тем еще в работах Л. П. Карсавина обращалось особое внимание именно на «извне налагаемое обличье» [16, с. 42], множество ликов, личин, при помощи которых человек демонстрирует себя этому миру. В данном контексте в науке разрабатывается понятие габитуса (от лат. *habitus* – облик, внешность, наружность) личности, которое толкуется как «порождающее и унифицирующее начало» [17, с. 60], способное сводить внутренние характеристики человека в единый стиль жизни. Именно габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности [17]. Подчеркивая значение габитуса как «интериоризированного ансамбля социальных отношений» [18, с. 181], П. Бурдье писал о том, что габитус «делает возможным экстерииоризацию интериоризированного» [18, с. 182]. Габитус личности одновременно может являться продуктом

интериоризации объективных внешних факторов и необходимым индивидуальным условием их экстерииоризации, это – «история, ставшая природой» [18, с. 184] человека. В научной литературе подчеркиваются предсказательная сила габитуса, его неосознанный характер, постоянство, способность к спонтанному оцениванию личности другого, в результате чего формируются избирательные отношения на основе симпатии/антипатии, ненависти/любви и т.д. и люди сливаются в группы, объединенные общими признаками. В некоторой степени габитус можно рассматривать и как один из способов выражения потребности человека быть личностью.

Потребность человека быть личностью, по мнению А. В. Петровского и В. А. Петровского, является источником его активности, это способность, позволяющая осуществлять деяния, обеспечивающие его персонализацию в других людях [19]. «Индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтринно, гипотетической частице, которая бесследно пронизывает плотную среду, не производя в ней никаких изменений» [20, с. 112]. Выделенный критерий позволяет объяснить сущность выраженного стремления некоторых людей даже к негативной значимости, но только к значимости! Данная идея нашла свое отражение в модели «значимого другого» А. В. Петровского, которую М. Ю. Кондратьев назвал наиболее «продвинутой на сегодняшний день в отечественной социальной психологии концептуализированной схемой отношений межличностной значимости» [21, с. 25]. В позитивных и негативных позициях критериев значимости, разработанных А. В. Петровским, находят место характеристики, связанные с симпатией/антипатией, референтностью/антиреферентностью и статусностью/антистатусностью личности [22], на основании чего автор выделяет те или иные личностные типы, зарождающиеся в процессе межличностных взаимоотношений.

Проблематика межличностных взаимоотношений представлена многочисленными работами в зарубежной и отечественной психологии, но наиболее глубоко к структуре человеческих взаимоотношений через описание тех или иных ролей подходят В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, выделяя две фундаментальные характеристики связей и отношений между людьми: ситуативность/внеситуативность, свободный или навязанный характер. На основании этого авторами выделяются следующие единицы анализа (роли): «социальная роль», «игровая роль», «статус», «позиция» [23, с. 159–160]. Данная классификация представляет наиболее удачный вариант из уже существующих, является универсальной, позволяет раскрыть межличностное ролевое взаимодействие не в ста-

тике, а в динамике и побуждает к созданию новых типологий. О насущной необходимости ролевой типизации как социально-психологического механизма формирования эмоционально-ценностного отношения личности к интрагрупповому другому пишет Е. В. Рягузова [24].

Вышеперечисленные теоретические идеи и концепции могут стать основой дальнейшей разработки проблемы виктимного личностного типа и позволяют: 1) выделить типы виктимного межличностного ролевого взаимодействия; 2) уточнить понятия виктимности и виктимной активности; 3) определить критерии выделения виктимного личностного типа; 4) сделать попытку определения понятия виктимного личностного типа.

Выделению самих типов виктимного межличностного ролевого взаимодействия способствовала описанная выше классификация человеческих взаимоотношений В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева [23]. На этом основании нами были выделены: игровая роль жертвы, которая является динамическим воплощением позиции жертвы, и социальная роль жертвы как динамическое воплощение статуса жертвы [25]. Отметим, что обозначенные единицы анализа отличаются характером (ситуативна или постоянна) и типом (добровольна или навязана), они же наделены особыми психологическими характеристиками, позволяющими различать их между собой. Позиция и статус жертвы в наших эмпирических исследованиях с последующим кластерным анализом образовывали единый кластер [25]. Лица, попадавшие в данную группу, обладали высоким уровнем ролевой виктимности и психологическими характеристиками, свойственными как игровой, так и социальной ролям жертвы. На этом основании мы объединили эти две единицы анализа в одну и дали ей общее название: позиция жертвы.

Таким образом, теоретический анализ и проводимые нами многочисленные эмпирические исследования [25] позволили выделить три типа виктимных межличностных ролей, демонстрирующих неоднородность виктимного поведения: игровую роль жертвы, социальную роль жертвы и позицию жертвы, которые являются основными структурными элементами межличностного ролевого виктимного взаимодействия, развивающегося в разных условиях.

Игровая роль жертвы – это единица анализа добровольных, взаимовыгодных, легко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, детерминированных сложным сочетанием разнообразных форм виктимной активности, среди которых демонстративность, инфантильность, манипулятивность, зависимость и

др., имеющих в своей основе скрытую мотивацию и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию. Игровая роль жертвы может формироваться в комфортных и безопасных ситуациях повседневности под воздействием внешних (опеке, патернализме) и внутренних (виктимной активности) факторов, поэтому является социально одобряемой. Социальная роль жертвы – это единица анализа навязанных (предписанных) отношений, стигматизирующих индивида, способствующих его некоторой изоляции от социальных отношений в силу их болезненности, детерминированных сложным сочетанием разнообразных форм виктимной активности, таких как аутоагрессия, агрессия, зависимость, инфантильность, конформность и др., что препятствует возможности построения его нормальной жизнедеятельности на ближайшую и отдаленную перспективы. Социальная роль жертвы формируется в ситуациях, имеющих угрожающий и опасный характер, под воздействием внешних (авторитаризм, тоталитаризм, сталкеризм) и внутренних (виктимная активность) факторов, является социально приемлемой. В большинстве случаев социальная роль жертвы – продукт трудных жизненных ситуаций, считающихся агрессивными по своей природе (экстремальные, кризисные и др.).

Позиция жертвы – результат причудливого слияния игровой и социальной ролей жертвы, она носит не ситуативный, а устойчивый характер, формируется под воздействием неблагоприятных, обладающих виктимогенным потенциалом внешних и внутренних факторов, не всегда вписывается в социальное одобрение или принятие. При этом к неблагоприятным можно отнести как неповседневные (трудные), так и повседневные ситуации. Лучшей метафорой, характеризующей сущность данных неблагоприятных факторов, являются слова А. В. Петровского: «диктат и опека – явления одного порядка, и различия лишь в форме, а не в сущности» [22, с. 12]. Индивид, заняв устойчивую позицию жертвы, выработав определенную модель отношений, по-другому жить не умеет и не желает. Особое удовольствие он получает, обвиняя ближайшее окружение. Все поведение выстроено на готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения.

Все три виктимные роли (игровая, социальная, позиция жертвы) детерминированы не только объективными факторами виктимизации, среди которых культурно-исторические условия, ситуации, стили взаимодействия, но и встречной виктимностью и виктимной активностью личности. Виктимность рассматривается нами как устойчивая личностная особенность, обуслов-

ленная особым сочетанием индивидуально-типологических, характерологических детерминант, взаимодействующих с внешними (социальными) факторами, не всегда связанными с ситуациями насилия, но способствующими виктимной активности. При этом виктимная активность – это особая деформированная активность, обусловленная конфликтным состоянием мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности, проявляющаяся в различных формах: агрессии, зависимости, беспомощности, аутоагрессии, демонстративности, манипулятивности и т.п. Она направлена на действия и поступки, превращающие индивида в жертву игрового либо социального характера. Виктимность и виктимная активность обуславливают внутренний мир виктимной личности, которая объективируется во внешнем мире в виде разных виктимных ролей (игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы). При этом «жертва» – это и есть специфический способ демонстрации себя этому миру на основе потребности виктимной личности в значимости, которая реализуется через негативные (антипатию, антиреферентность, антистатусность) и позитивные (симпатия, референтность, властные полномочия) критерии значимости [26].

Таким образом, виктимный личностный тип является результатом:

1) сложного соотношения внутреннего мира и внешнего. Элементы внутреннего мира виктимной личности обусловлены виктимностью и виктимной активностью. Внешний мир предстает как социальное пространство виктимной личности (культурно-исторические условия, ситуации, стили межличностного взаимодействия), преломляется через внутренний, содержащий особенности внешнего мира;

2) объективации, которая понимается как отчуждение виктимной личности от самой себя, подчинение внешним условиям как следствие формирование экстерналистского локуса контроля. Это оскудение, обеднение, закрытие человека, вынужденное проявление внутреннего мира в искаженной форме, обусловленной социальными ожиданиями, социальной необходимостью. Искаженными формами проявления внутреннего мира виктимной личности являются игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы;

3) способов самовыражения, которыми виктимная личность демонстрирует себя этому миру, другим людям. Жертва как габитус виктимной личности способна сводить внутренние характеристики в разные виктимные стили жизни. В данном случае габитус жертвы является воспроизводством внешних форм поведения, обусловленных внутренними особенностями виктимной

личности и стилем ролевого межличностного взаимодействия. Габитус жертвы делает возможным выражение внутреннего мира виктимной личности в форме, имеющей четкое обозначение в виде того или иного виктимного личностного типа: игровая роль жертвы порождает аутовиктимный; социальная роль жертвы – социально виктимный; позиция жертвы – гипервиктимный личностные типы.

Виктимный личностный тип – это такой способ организации личности в сложном соотношении ее внешнего и внутреннего мира, при котором внутренний, преломляясь через внешний, принимает искаженные формы в виде виктимных межличностных ролей (игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы), находящихся свое воплощение в габитусе жертвы, способном демонстрировать разные виктимные типы: аутовиктимный, социально виктимный, гипервиктимный. При этом, если виды виктимных межличностных ролей жертвы (игровая, социальная, позиция) можно отнести к классификации, то они же, приобретая четкое обозначение в габитусе жертвы, трансформируются в виктимные личностные типы.

В заключение отметим, что проблеме типологии виктимного личностного типа нельзя считать исчерпывающей. Перспективными направлениями ее дальнейшего изучения являются: разработка и уточнение самого понятия виктимной личности, которая по своей природе неоднородна, организована многоуровневыми связями; более детальная проработка темы габитуса жертвы, его места в структуре не только виктимного личностного типа, но и в структуре виктимной личности; стоит вопрос и о дроблении признаков того или иного виктимного личностного типа и выделения подтипов, на основании этого ставятся задачи количества подтипов; остается открытой проблема адресной психологической помощи с учетом специфики того или иного виктимного личностного типа.

Список литературы

1. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Социальное разъединение общества в качестве фактора виктимизации // Медицина и образование в Сибири. 2006. № 2. URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=71 (дата обращения: 22.12.2013).
2. Тоценко Ж. Т. Парадоксы постсоветского пространства // Гражданское общество и социальный прогресс в XXI в. Алматы, 2008. С. 58–61.
3. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2. С. 3–9.
4. Мудрик А. В. Человек – объект, субъект и жертва социализации // Известия РАО. 2008. № 8. С. 48–57.

5. Ривман В. Д. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
7. Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журн. 1983. Т. 4, № 1. С. 14–35.
8. Олпорт Г. Становление личности. М., 2002. 462 с.
9. Руденский Е. В. Деформация Я-концепции как предмет социально-педагогической виктимологии (опыт экспериментального исследования). Новосибирск, 2000. 59 с.
10. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. М., 2006. 1008 с.
11. Андронникова О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим поведением // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. Вып. 9 (187). С. 120–126.
12. Артемцева Н. Г., Ильясов И. И., Миронычева А. В., Нагибина Н. Л., Фивейский В. Ю. Познание и личность : типологический подход. М., 2004. 304 с.
13. Нагибина Н. Л. Психологические классификации : история, методология, проблемы // Психологические и психоаналитические исследования. М., 2011. С. 10–25.
14. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии // Вопр. психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
15. Леонтьев Д. А. Психология смысла, природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003. 487 с.
16. Карсавин Л. П. Прологемы к учению о личности // Журнал «Путь». 1928. № 12. С. 32–46.
17. Шматко Н. А. Габитус в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60–70.
18. Бурдые П. Начала. М., 1994. 288 с.
19. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопр. философии. 1982. № 3. С. 24–38.
20. Петровский А. В. Психология и время. СПб., 2007. 448 с.
21. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой» : слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 17–28.
22. Петровский А. В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопр. психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
23. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека : введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов. М., 1995. 384 с.
24. Рягузова Е. В. Ролевая типизация как социально-психологический механизм формирования эмоционально-ценностного отношения личности к интрагрупповому другому // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–71.
25. Одицова М. А. Типы поведения жертвы. Опросник ролевой виктимности. Самара, 2013. 160 с.
26. Одицова М. А. Позитивные эффекты отрицательной значимости другого // Социальная психология малых групп. М., 2011. С. 183–187.

Problem of a Victim Personality Type in Psychology

M. A. Odintsova

Moscow State University of Psychology et Education
29, Sretenka, Moscow, 107045, Russia
E-mail: Mari505@mail.ru

The analysis of theoretical prerequisites of development of victim personality type problem in psychology is given in this article. A determination of a victim personality type is given as such a type of personality's formation in a complicated correlation of her outside and inner world when the inner world being interpreted through the outside one takes distorted forms in a form of victim interpersonal roles (victim's play role, victim's social role, victim's position), personifying in victim's habitus enabling to demonstrate various victim's types: autovictim, victim, hyper-victim. It is explained that victim interpersonal victim's roles (play, social, position) can be referred to classification. They are also, acquiring an express designation (victim's habitus) transformed into victim personality types: «autovictim», «victim», «hyper-victim».

Key words: victim personality type, victim's habitus, victim's play role, victim's social role, victim's position.

References

1. Rudenskiy Ye. V., Rudenskaya Yu. E. Sotsialnoye razyedineniye obshchestva v kachestve faktora viktimizatsii (Social separation of the society as a factor of victimization). Meditsina i obrazovaniye v Sibiri (Medicine and education in Siberia), 2006, no. 2. Available at: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=71 (accessed 22 December 2013).
2. Toshchenko Zh. T. Paradoksy postsovetского prostranstva (Paradoxes of post-Soviet space). *Grazhdanskoye obshchestvo i sotsialnyy progress v XXI v.* (Civil society and social progress in the XXI century). Almaty, 2008, pp. 58–61.
3. Shtompka P. Kulturnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (Cultural trauma in the post-Communist society). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological studies), 2001, no. 2, pp. 3–9.
4. Mudrik A. V. Chelovek – obyekt, subyekt i zhertva sotsializatsii (Man - object, subject and victim socialization). *Izvestiya RAO* (Izvestiya RAO), 2008, no. 8, pp. 48–57.
5. Rivman V. D. *Kriminalnaya viktimologiya* (Criminal victimology). St.-Petersburg, 2002. 304 p.
6. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya* (The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge). Moscow, 1995. 323 p.
7. Abulkhanova-Slavskaya K. A. O putyakh postroyeniya tipologii lichnosti (On ways to build a typology of the personality). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological journal), 1983, vol. 4, no. 1, pp. 14–35.
8. Allport G. W. *Beconing: basic considerations for a psychology of personality*. New Haven, 1955. 106 p. (Russ. ed.: Olport G. Stanovleniye lichnosti. Moscow, 2002. 462 p.)
9. Rudenskiy Ye. V. *Deformatsiya Ya-kontseptsii kak predmet sotsialno-pedagogicheskoy viktimologii (opyt eksperimentalnogo issledovaniya)* (Deformation of self-concept as a

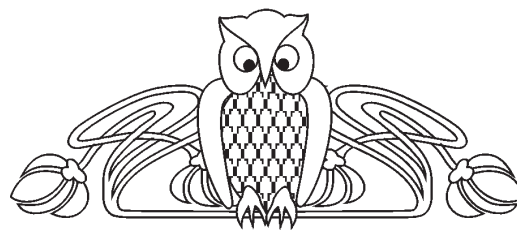
- subject of social-pedagogical victimology (experience of experimental research). Novosibirsk, 2000. 59 p.
10. Malkina-Pykh I. G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy* (Psychology of the victim's behavior). Moscow, 2006. 1008 p.
 11. Andronnikova O. O. *Osnovnyye kharakteristiki podrostkov s samopovrezhdayushchim povedeniyem* (The main characteristics of adolescents with самоповреждающим behavior). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Bulletin Tomsk State Pedagogical University), 2009, iss. 9 (187), pp. 120–126.
 12. Artemtseva N. G., Piyasov I. I., Mironycheva A. V., Nagibina N. L., Fiveyskiy V. Yu. *Poznaniye i lichnost: tipologicheskiy podkhod* (Cognition and personality: typological approach). Moscow, 2004. 304 p.
 13. Nagibina N. L. *Psikhologicheskiye klassifikatsii: istoriya, metodologiya, problem* (Psychological classification: history, methodology, problems). *Psikhologicheskiye i psikhoanaliticheskiye issledovaniya* (Psychological and psychoanalytic studies), Moscow, 2011, pp. 10–25.
 14. Leontyev D. A. *Novyye oriery ponymaniya lichnosti v psikhologii* (New guidelines for the understanding of personality in psychology). *Voprosy psikhologii* (Voprosy psychology), 2011, no. 1, pp. 3–27.
 15. Leontyev D. A. *Psikhologiya smysla priroda, stroyeniye i dinamika smyslovoy realnosti* (Psychology meaning: the nature, the structure and dynamics of sense of reality). Moscow, 2003. 487 p.
 16. Karsavin L. P. *Prologemy k ucheniyu o lichnosti* (The threat to the teaching about the personality). *Put* (Way), 1928, no. 12, pp. 32–46.
 17. Shmatko N. A. *Gabitus v strukture sotsiologicheskoy teorii* (Habitus in the structure of sociological theory). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (Journal of sociology and social anthropology), 1998, vol. 1, no. 2, pp. 60–70.
 18. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris, 1987. 113 p. (Russ. ed.: Burdye P. Nachala. Moscow, 1994. 288 p.)
 19. Petrovskiy A. V., Petrovskiy V. A. *Individ i yego potrebnost byt lichnostyu* (The individual and his need to be a person of philosophy). *Voprosy filosofii* (Voprosy of philosophy), 1982, no. 3, pp. 24–38.
 20. Petrovskiy A. V. *Psikhologiya i vremya* (Psychology and while). St.-Petersburg, 2007. 448 p.
 21. Kondratyev M. Yu. «Znachimyy drugoy»: slagayemyye mezhlichnostnoy znachimosti («Significant Other»: Components of Interpersonal Significance). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social psychology and society), 2011, no. 2, pp. 17–28.
 22. Petrovskiy A. V. *Trekhfaktornaya model znachimogo drugogo* (Three-factor model of significant other). *Voprosy psikhologii* (Voprosy of psychology), 1991, no. 1, pp. 7–18.
 23. Slobodchikov V. I., Isayev Ye. I. *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedeniye v psikhologiyu subyektivnosti* : ucheb. posobiye dlya vuzov (Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: an Introduction to the psychology of subjectivity: textbook for high schools). Moscow, 1995. 384 p.
 24. Ryaguzova E. V. *Rolevaya tipizatsiya kak sotsialno-psikhologicheskiy mekhanizm formirovaniya emotsionalno-tsennoznostnogo otnosheniya lichnosti k ingruppovomu drugomu* (Role Typification as the Socio-Psychological Mechanism of Formation the Emotional-Valuable Relation of the Personality to Ingroup Other). *Izv. Sarat. Univ. New. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 67–71.
 25. Odintsova M. A. *Tipy povedeniya zhertvy. Oprosnik rolevoy viktimmnosti* (The types of conduct of the victim. Questionnaire role of the victimization). Samara, 2013. 160 p.
 26. Odintsova M. A. *Pozitivnyye efekty otritsatelnoy znachimosti drugogo* (The positive effects of the negative significance of the other). *Sotsialnaya psikhologiya malykh grupp* (Social psychology of small groups). Moscow, 2011, pp. 183–187.

УДК 159.923.2

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СКЛОННОСТЕЙ

Панчук Екатерина Юрьевна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики, маркетинга и психологии управления, Ангарская государственная техническая академия, Иркутская область
E-mail: epanchuk05@mail.ru

В статье рассматривается проблема профессиональной направленности молодежи с точки зрения гендерных особенностей. Автор анализирует теоретические предпосылки особенностей профессиональных склонностей юношей и девушек, рассматривает результаты существующих практических исследований в области гендерных различий профессиональной направленности. Приводятся результаты эмпирических исследований, свидетельствующие о наличии статистически значимых различий в уровне

проявления склонностей к работе с людьми и к практической деятельности у юношей и девушек. В заключение делается вывод, что гендерные особенности оказывают большое влияние на выбор профессии и подчеркивается важность социокультурной оценки и интерпретации существующих различий.

Ключевые слова: профессиональная направленность, профессиональные склонности, гендерные особенности, полоролевая идентификация, полоролевые стереотипы.